

УДК 821.161.1-1

СУБЪЕКТНАЯ СТРУКТУРА ПОЭЗИИ Р. КАТАЕВОЙ

К. А. Кальян, аспирантка

*Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды,
ул. Алчевских (Артема), 29, г. Харьков, 61002, Украина
Email: kalianchik@mail.ru*

Статья посвящена исследованию архитектоники субъектной системы поэзии харьковской поэтессы Р. А. Катаевой. В процессе изучения взаимодействия авторского и геройного планов лирики Р. Катаевой, мы пришли к выводу о высокой степени ее автоспсихологичности. Субъектом высказывания подавляющего большинства произведений поэтессы является лирическое "я", которое "ретранслирует" сознание биографического автора, становясь неким связующим звеном между миром и стихотворением.

Наряду с прямыми и косвенными формами высказываний, поэтесса использует многообразные диалогические структуры, которые осуществляют диалогические связи не только на внутритекстовом, но и на внетекстовом уровнях.

Ключевые слова: *Р. Катаева, субъект высказывания, автоспсихологичность, лирическое "я", диалогичность.*

Актуальность субъектного анализа литературного произведения обусловлена необходимостью выявления дополнительных контекстообразующих значений, функция которых состоит в репрезентации позиции автора.

Цель статьи – выявить особенности субъектной структуры поэзии Р. А. Катаевой, воздействующие на восприятие авторского текста реципиентом.

Для реализации данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- Проанализировать историю изучения проблемы субъектных отношений в литературном произведении;
- Выявить литературные концепции взаимодействия авторского и геройного планов, в наибольшей степени соответствующие субъектной структуре лирики Р. Катаевой;
- Выделить основные единицы субъектного строя лирики поэтессы;
- Изучить характерные черты диалогичности творчества Р. Катаевой.

Метод исследования – метод анализа и синтеза, в ходе которого мы проанализировали существующие литературные теории субъектно-объектных отношений в литературном произведении и выявили особенности субъектной структуры поэзии Р. Катаевой.

Объект исследования – архитекtonика субъектной системы лирического произведения.

Предмет исследования – субъектная структура поэзии Р. Катаевой.

Теоретико-литературные исследования, направленные на изучение взаимодействия авторского и геройного планов литературного произведения, показывают, что архитекtonика субъектной системы эволюционировала, пройдя путь через синкретическую и эйдетическую эпохи, а в более поздний период — через эпоху модальности, когда и стала «центральной категорией поэтики» [1, с. 20].

Проблему субъектной структуры поэтического произведения изучали многие ученые, среди них: М. Бахтин, С. Бройтман, Л. Гинзбург, В. Хализев и др.

Наиболее дифференцированное и, на наш взгляд, наиболее точное и убедительное описание субъектной структуры лирики дано в трудах Б.Кормана, который выделяет четыре основных формы организации субъектного пространства стихотворения: автора-повествователя, собственно автора, лирического героя и героя ролевой лирики.

Субъект речи определяется как лицо, которому принадлежит то или иное высказывание (говорящий / пишущий), тот, кто изображает и описывает что-либо, Точкой зрения субъекта речи определяется тема, идея, характер воздействия на адресата, стилистические особенности речи.

Согласно позиции Кормана, в поэтических текстах присутствуют субъекты речи «незаметные, растворенные в тексте» (повествователь) и субъекты речи эксплицитные, «выделенные в тексте». Субъект речи мобилен, его позиция в художественном произведении зависит от степени выраженности в тексте: «Субъект речи тем ближе к автору, чем в большей степени он растворен в тексте и незаметен в нем. По мере того как субъект речи становится и объектом ее (прим. автора - тем, что изображено, и о чем рассказывается), он отдалается от автора, то есть, чем в большей степени субъект речи становится определенной личностью со своим особым складом речи, характером, биографией, тем в меньшей степени он непосредственно выражает авторскую позицию» [2, с.199-207].

Харьковская поэтесса Р. А. Катаева – автор 11 сборников стихотворений. Неоднократно публиковалась в журналах: «Новый мир», «Дружба народов», «Звезда», «Москва», «Смена», «Огонек», «Ренессанс», «Теремок», «Слобожанщина»; ее стихи печатались в «Литературной газете» (Москва), «Літературній Україні» (Київ). В 1998 году за книгу «Крутые дожди» она стала Лауреатом Литературной премии им. Николая Ушакова. За работу с творческой молодежью и книгу стихов «Харьков – судьба моя» в 2005 году удостоена звания «Харьковчанин года», к 70-летию НСПУ награждена Почетной грамотой. В декабре 2012 г. Р. Катаевой присуждена муниципальная литературная премия им. Бориса Слуцкого.

Лирике Р. Катаевой характерна поливариантность субъектной структуры. К основным формам выражения субъекта, отражающим понимание поэтессой лирического «я», принадлежат:

1. Местоимения первого лица единственного числа
2. Местоимения первого лица множественного числа
3. Местоимения второго и третьего лица единственного числа, когда субъект речи воспринимает себя со стороны – как «другого».
4. Диалогические формы высказывания.

Следует отметить, что в стихах Р.Катаевой преобладают высказывания, выраженные личным местоимением первого лица единственного числа, что говорит о высокой степени автопсихологичности ее лирики. Ярким примером такого типа лирики является стихотворение «Я - не поэт. Я – не врач. Я – боль». Приведем один фрагмент из него:

Я - не поэт. Я – не врач. Я – боль.

Постоянная, без передышки.

Что мне горячей волны прибой?-

Знаю нынче о нем понаслышке...

***

...Выпало жить незаметной борьбой.

В лёгких – одна горелая горечь.

Я – не поэт. Я - не врач. Я – боль

В сердцебиенье чужого горя [3, 104]

Стихотворение является некой исповедью перед читателем. Лирическое «я» максимально приближено к автору. Отожествляя себя с болью, Р. Катаева в первую очередь говорит о физическом недуге, преследующем ее. Однако истоки этой физической боли кроются в глубоких внутренних переживаниях, коими откликается душа поэтессы на «чужое горе», на любую несправедливость, подлость и жестокость.

Такое же высказывание от «Я» наблюдается в стихотворениях «Какой я все же маленький поэт...», «Ведь я же любила коньки», «День за днем» («Весь день прошу я День: Не уходи!»), «Я благодарна вам, мужчины», «Автопортрет» («Но знаю я: до самых крайних лет...»), «Я не верю...» и других.

Лирическое «я» бывает лишено индивидуальной определенности и трансформируется в лирическое «мы». Наиболее ярко эта форма высказывания представлена в стихотворении «Слово»:

Изощренно эстетствуя
против законов эстетики,
Мы страдаем от жгучей,
неотвязно щемящей тоски [4, 40]...

Лирическое «мы», замещающее «я», выражает позицию биографического автора, отожествляя его со всеми современниками, то есть субъектами «не – я».

Подобная форма лирического субъекта встречается в стихотворениях: «Цикламены» («**Мы** с бедою отчаянно бились»), «Киевскому другу» («**Мы** шлем друг другу слово»), «Ты увидел меня на сцене» («**Мы** поплыли морем Крамолы»), «Встречаемся наедине» («**Мы** друг для друга что-то значим»), «Первое марта» («**Мы** так много в жизни не успели»), «Отчего так подняли Высоцкого?» («**Мы** решились, наконец, расслышать SOS»), «Майская невеста» («**Мы** вышли из тучи, мы вышли из плена») и др.

Одной из характерных особенностей организации субъектной структуры лирики Р. Катаевой является ее полисубъектность – сочетание разнообразных форм грамматического выражения лирического субъекта.

Интересным, с точки зрения полисубъектности высказывания, нам представляется стихотворение "Восторг"(1980):

1. Забытое понятие «восторг»...
2. Ну, что нам нынче белый цвет акаций?!
3. Мы светом белым разучились восторгаться,
4. Да он и сам к восторженности строг.

5. А помнишь, как мы бегали в кино,
6. На те, на самые последние сеансы,
7. И как с галерки театральной громогласно
8. Рукоплескали с залом заодно?..

9. Как трепетно касались мы струны
10. Ещё немой, ещё загадочной гитары,
11. И в упоенье танго – молча плыли пары
12. Под тихую мелодию трубы.

13. А что творилось на родной земле,
14. Когда с победою герои возвращались,
15. Да, ими улицы так ярко восхищались,
16. Да, так хотелось двинуться вослед!..

17. Но что же, что же остудило нас?
18. Перенасыщенность и дел, и дум, и зрелищ...
19. А жажда нового уже в сердцах созрела.
20. Наш мудрый век, верни восторгу час! [5, 15]

Впервые опубликованное во втором сборнике поэтессы – «Рябиновая ветка» (1987), стихотворение является примером гражданской лирики Р. Катаевой. Оно имеет форму ямбического двадцатистишия с кольцевой рифмой. Архитектоника стихотворения реализуется через раскрытие мотивных вариаций абстрактного понятия «восторг». Согласно словарному толкованию, «восторг» - подъем радостных чувств, восхищение [6].

Композиция стихотворения состоит из 3 частей, каждая из которых расширяет семантическое поле понятия «восторг». Первая строфа является «зачином», в ней Р. Катаева формулирует тему стихотворения: автор поднимает проблему пресыщенности современного общества, подмены истинных духовных ценностей мнимыми.

В последующих трех строфах перед читателем предстает ряд вспышек-воспоминаний из жизни автора, связанных с пережитыми ею минутами истинного восторга, минутами возвышенных душевных переживаний.

Субъектная структура стихотворения усложнена. Здесь нет ярко выраженного лирического героя. Л. Я. Гинзбург считает, что в подобных случаях лирическая личность «существует как форма авторского сознания, в котором преломляются темы /.../, но не существует в качестве самостоятельной темы» [8, с. 165].

С каждой последующей строфой автор все больше абстрагируется от личностного восприятия, переходя на более обобщенный, социальный план. При этом сознание лирического субъекта как бы проходит три ступени расширения смысла, что позволяет говорить о смысловой градации. Так, в начале второй строфы вопросительная форма глагола второго лица («А помнишь...?») актуализирует обращение к скрытому «ты», которое в дальнейшем трансформируется в «мы» («мы бегали в кино»), охватывая самого автора и её любимого человека.

Восторг как объект осмысления в этих строках ещё во многом наивен, окутан «загадочной» пеленой первых интимных переживаний и локализуется в пределах пары влюбленных.

Новую глубину и новый масштаб чувство восторга приобретает в 4-ой строфе, где речь идет о таком общезначимом событии, как Победа.

Здесь в переживание чувства восторга вовлекается уже целый географический локус – «улицы», олицетворяющие малую родину поэтессы, ее родной город Харьков.

С начала итоговой, пятой, строфы наблюдается очередная смена субъектной структуры стихотворения. Местоимение «нас» переключает план восприятия на максимально обобщенный, при этом происходит соединение лирического субъекта и реципиента (читателя). Обращаясь к своим современникам, автор напрямую формулирует идею стиха – мысль, которая представляет для неё особую значимость:

Но что же, что же остудило нас?
Перенасыщенность и дел, и дум, и зрелищ...
А жажда нового уже в сердцах созрела.
Наш мудрый век, верни восторгу час!

Теперь проанализируем формы высказывания, выраженные местоимениями 2 и 3-го лица, при которых субъект речи воспринимает себя как "другого". Стихотворения с подобной субъектной структурой в целом не свойственны лирике Р. Катаевой. Нами были обнаружены только два подобных примера: стихотворение "Творчество" (сб. "Порог", 1983) и "Стихи об углах" (сб. "Рябиновая ветка", 1987).

В стихотворении "Творчество" местоимения "ты" / "тебя" как субъект речи представлены в развернутой метафоре-символе "скала", репрезентующей нелегкий жизненный и творческий путь самой поэтессы:

Вот она – вертикаль,
По которой пытаюсь подняться.
Слишком мягкие руки –
До крови их стираю в пути.

Без обычной страховки
 Навек одержимым упрямам –
 По отвесной стене
 Суждено в одиночку идти.
 Но кругом тебя – Жизнь.
 Бьется в ней высоты сердцевина.
 И чем крепче с ней связан,
 Тем уверенней ты на скале.
 Отогреет земля
 Обращенную к пропасти спину –
 Ведь твоя вертикаль
 Начинается там, на земле.
 Только б мужества мне,
 Чтобы вдруг не сорваться с уступа!..
 Только б камни "живые"
 Отличать от надежных опор!..
 Я карабкаюсь вверх,
 Неумело стучу ледорубом.
 Валуны, валуны...
 Сколько падает их с этих гор!..

В начале стихотворения субъект речи представлен лирическим "я", выраженным глагольной формой первого лица единственного числа – "пытаюсь", "стираю".

В третьем катрене субъект речи воспринимает себя со стороны как "другого" и реализуется при помощи прямой и косвенных форм местоимения второго лица единственного числа: "ты", "тебя", а также притяжательного местоимения "твоя".

В заключительных пятой и шестой строках субъект речи аналогичен первоначальному и выражен местоимениями "мне", "я". Подобную структуру субъектных отношений можно изобразить при помощи следующей схемы:

Я → ТЫ → Я

Такую форму полисубъектности можно определить как "кольцевую" или "замкнутую".

Выражение субъекта речи с помощью местоимения 3-го лица единственного числа имеет место в стихотворении "Стихи об углах", где сквозь черты косвенного "ей" проступают боль и тоска первичного субъекта:

В этой поздней осенней встрече
 Понатыкано столько углов,
 Что помочь ей – хотя б словечком! –
 Даже море – и то не смогло.
 Единило желанным кругом,
 Но как только кончался заплыв,
 Каждый шел в свой укромный угол –
 Есть у берега тоже углы.
 И оттуда, из-под покрова
 Темных стекол да пресных гримас,
 Наблюдали один другого
 Уголками внимательных глаз...
 Неожиданную развязкой –
 Срочный вызов издалека.
 Разрушают синие краски
 Угловатые облака.
 Разбрелись по углам Вселенной,
 У домашнего греясь огня.
 Только что-то беспеременно
 Остро колет и колет меня.

Не позволит вот так друг друга
Навсегда обойти стороной –
Бесконечный открытый угол
С незахлопнувшейся стороной!..

Стихотворение уникально по своей субъектной структуре – это единственный пример "ролевой лирики" Р. Катаевой. В первой строфе стихотворения субъект лирического высказывания выражен косвенным падежом личного местоимения "она" - "ей", которое замещает лирическое "я" поэтессы. Скрываясь под маской покинутой возлюбленной, поэтесса как бы героизирует ситуацию и саму себя в ней, стремясь придать чувствам ролевого субъекта ("ей") возможно большую степень глубины и драматизма.

Вместе с тем, субъектная структура стихотворения усложнена наличием лирического "мы", объединяющего поэтессу и ее возлюбленного. Оно имплицитно представлено в третьей и пятой строфах глагольными формами первого лица множественного числа: "наблюдали", "разбредлись". "Сужение" субъектной интенции к лирическому "я" в последнем стихе пятой строфы как бы снимается употреблением словосочетания "друг друга" в последней строфе стихотворения, которое воспринимается как заключительное укрупнение субъекта речи до лирического "мы", что дает нам основание говорить о некой *перекрестной* полисубъектной структуре стихотворения, схема которой выглядит следующим образом:

Ей (маска лирического "я") → МЫ → Я → МЫ.

Употребление косвенных форм высказываний рождает внутренний диалог субъекта речи и «другого» - адресата по форме, но по сути тождественного субъекту речи.

Особое место в системе субъектно-объектных отношений в лирике Р. Катаевой занимает диалогичность (свойство текста, основанное на том, что за каждым текстом стоят языковые личности автора и адресата).

Согласно М. Бахтину, сознание автора всегда диалогично, поскольку ориентировано на восприятие читателя или критика: «Через другого мы стараемся понять и учесть трансгredientные (выходящие за пределы) собственному сознанию моменты» [8, с. 19].

Исследователи выделяют два типа диалогичности: двухкомпонентная и однокомпонентная [9, с. 28]. Первый тип диалогичности характеризуется наличием «реплики - стимула» и «реплики - реакции», представляя собой полноценный диалог двух лиц. Однокомпонентная диалогичность содержит лишь «реплику - стимул», поскольку адресат либо намеренно не выражен, либо ответ и не подразумевается. Такой тип диалогичности наиболее распространен в лирических произведениях.

По мнению исследователя творчества Р. Катаевой литературоведа И. Михайлина, диалогичность является одной из основных черт лирики поэтессы: «Она - человек диалога». И. Михайлин выдвигает гипотезу о природе диалогичности стихотворений Р. Катаевой: «...диалогичность Риммы Катаевой - от ее первой и, может быть, основной профессии» [10, с. 36]. Дело в том, что Римма Александровна – врач по образованию и долгое время работала по профессии, окруженная пациентами, которым подчас была необходима не только медицинская помощь, но и психологическая поддержка, «разговор по душам». Очевидно, что, придя в поэзию, Р. Катаева продолжила вести активный диалог теперь уже с читательской аудиторией.

Адресат может восприниматься как друг, близкий человек, родственник, оппонент, которого надо в чем-то убедить и т. д. В зависимости от этого определяется и жанровая стилизация адресованного стихотворения. Таким образом, в зависимости от роли, которую автор определяет адресату, лирическое произведение приобретает монологические или полемические особенности.

Типология адресата в лирике Р. Катаевой вариантна. Рассмотрим основные ее разновидности:

1. Обращение к определенному лицу, выраженному с помощью местоимений «ты» или «он». Так, адресатом любовной лирики поэтессы становится возлюбленный, однако его личность намеренно завуалирована. Объект любовных адресаций предстает как имплицитный участник диалога – речь автора изобилует риторическими фигурами: «Ты – мой князь, мой царь, мой Бог!» (одноим. стих), «Так кто же ты, вершина из вершин?» («Кто же ты?»), «Как изменился ты!» («Оглянись!»), «Мной не разгаданный мужчина, / Быть может, их принес не ты?..» («Лотосы»), «Так хорошо, когда тебя нет в городе...» («Милому другу»), «Ты мешаешь мне жить, Понимаешь?» (одноим. стих). При этом истинный диалог Р. Катаева ведет с читательской аудиторией, - от которой личность адресата утаивается. Можно сделать вывод, что автор ведет двойное диалогическое общение: с «внешним» адресатом (читателем) и «внутренним» адресатом (возлюбленным).

К обращениям такого типа относятся также посвящения ушедшим поэтам: «...Читаю я живую правду, / И – вопреки календарю! / Когда мне надо, очень надо, / Я с ним сквозь время говорю» («На могиле Игоря Муратова»), «Ты так нужен был всем! Как же мы без тебя?..» («Памяти Анатолия Стряпко»).

Особо следует выделить обращения к друзьям и близким родственникам поэтессы. Отличие данного вида адресата состоит в том, что вероятность полноценной беседы вполне реальна, личность открыто представлена читателю-реципиенту: «Нет, ну как ты сумел – на всебедах недетских выжить?!» («Василию Аксенову»), «Кем же ты станешь, Игоревна, маленькая княжна?» («Пеленая внучку»), «Во дворе – ты такая маленькая, / Такая еще беспомощная!..» («Александра»).

2. Выделим также и обращение к неживым объектам или абстрактным понятиям: природе, чувствам, отвлеченным понятиям, которым поэтесса придает человеческие черты, персонифицируя их. Поэтесса обращается к нашей планете: «Боюсь за тебя, Земля» («Прогресс»), «И все-таки мало у меня / С тобою, Земля, каких-то связей крепких...» («Моя ностальгия»); к оптимизму: «Оптимизм, / Ну, откуда ты взялся! На моем беспокойном пути?» («Оптимизм»); к любви: «Я по тебе соскучилась, Любовь» (одноим. стих); к морю: «Скажи мне море, / Что же ты такое?» (одноим. стих); к жизни: «Я люблю тебя Жизнь, / Но – прости меня! – я ненавижу / Очень многие сбои, и скосы, и скрипы твои» («Попытка полемики»); к улице: «Ну что ты делаешь со мной, моя Сумская?» (« Главная улица»); к городу Харькову: «Город мой, до чего ж ты мне нужен сейчас!..» (одноим. стих); к стране: «Я – дочь твоя, / Моя держава...» («Украине»).

3. Еще одной характерной формой выражения диалогичности является обращение к самой себе – автодиалогичность. Ярким примером ведения внутреннего диалога можно считать стихотворение «Выбор»:

... Все жжет отчаянный вопрос:

А верно ль мною сделан выбор,

Или случайно жребий выпал

На эту - изо всех полос?..

***

Неистов спор – сама с собой!

Ищу я – со свечой – ступени...

Но, может, долгий путь сомнений –

И есть нелегкий выбор мой?.. [11, с. 37]

Субъект «я» обращается к самому себе как к «другому», выраженному косвенными падежными формами местоимения «Я»: «мною», «мой». Обилие риторических фигур указывает на то, что создание этого стихотворения явилось результатом душевных терзаний, отсутствием безоговорочной уверенности в своем поэтическом таланте.

4. Обращение к современникам характерно для гражданской и военной лирики поэтессы. Лейтмотивом стихотворений, посвященных военной тематике, является

мотив-концент «память». Обращаясь к современному поколению устами лирического «Я», Р. Катаева задает вопрос: « - А у тебя есть ощущение вины?» и сама же отвечает на него: « - Перед родителями вечно виновата. А в городе - два человека: мать, отец, - / Так щедро преданных и нам и всей Отчизне... / И сердце нынче жжет отчаянный свинец - / Для благодарности мне не хватило жизни». («А у тебя есть ощущение вины?»).

Главной идеей гражданской лирики поэтессы является избличение современного общества в маргинализации истинных духовных и моральных ценностей: « - Они из прошлого, мне скажешь ты./ - Из будущего! – я тебе отвечу». («Странные люди»). Субъект высказывания выражен личными местоимениями «я», а «ты» является адресатом и олицетворяет в себе «любого», «каждого».

Выводы:

1. Субъектная структура лирики Р. Катаевой характеризуется разнообразием форм и приемов ее выражения. Как правило, субъект представлен лирическим «Я» / «мы», что позволяет говорить о высокой степени автопсихологичности её лирики.

2. Особенностью лирики поэтессы является использование полисубъектных форм, когда субъект высказывания выражен различными вариантами сочетаний местоимений я, ты, мы, ей (она).

3. Наряду с прямыми и косвенными формами высказываний, поэтесса использует многообразные диалогические структуры, которые осуществляют диалогические связи не только на внутритекстовом, но и на внетекстовом уровнях и способствуют интенсификации связей между автором и реципиентом.

4. Перспективы анализа субъектной структуры поэзии Р. Катаевой состоит в дальнейшем более глубоком исследовании ее диалогической составляющей.

СУБ'ЄКТНА СТРУКТУРА ПОЕЗІЇ Р.О. КАТАЄВОЇ

К. О. Кальян, аспірантка

*Харківський національний педагогічний університет імені Г. С. Сковороди,
вул. Алчевських (Артема), 29, м. Харків, 61002, Україна
E-mail: kalianchik@mail.ru*

Стаття присвячена дослідженню архітекτονіки суб'єктної системи поезії харківської поетеси Р.О. Катаєвої. У процесі вивчення взаємодії авторського та героїчного планів лірики Р. Катаєвої, ми дійшли висновку щодо високого ступеня її автопсихологічності. Суб'єктом вимови переважної більшості творів поетеси є ліричне "я", яке "ретранслює" свідомість біографічного автора та є деякою зв'язуючою ланкою між світом та віршем.

Поряд з прямими та непрямыми формами вимови, поетеса використовує різноманітні діалогічні структури, які здійснюють діалогічні зв'язки не тільки на внутрішньо текстовому, але також і на зовнішньо текстовому рівнях.

Ключові слова: Р. Катаєва, суб'єкт вимови, автопсихологічність, ліричне "я", діалогічність.

SUBJECT STRUCTURE OF R. KATAEVA'S POETRY

Kseniya Kalian, post-graduate student

*H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University,
29, Artema Str., Kharkiv, 61002, Ukraine
E-mail: kalianchik@mail.ru*

The article is devoted to the research of the architectonics of R. Kataeva's poetry and its subject system. In the course of the investigation of interaction between author and character's conceptions we've come to the conclusion that R. Kataeva's lyrics is highly autopsychological. Speech subject of the majority of poetess' works is lyrical "I" that retransmits the consciousness of biographical author, becoming in such a way a connecting link between the world and the poem.

Along with direct and indirect forms of speech, the poetess uses varied dialogical structures that provide dialogic connection not only on the inline but also on the outline textual levels.

Keywords: R. Kataeva, speech subject, autopsychology, lyrical "I", dialogicality.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аверинцев С. С. Категории поэтики в смене литературных эпох / С. С. Аверинцев, М. Л. Андреев // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания : сб. статей. – М. : Наследие, 1994. С. 3-38.
2. Корман Б. О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы [Текст] / Б. О. Корман. – М. : Наука, 1971. – С. 199-207.
3. Катаева Р. А. Крутые дожди / Р. А. Катаева. – Х. : Майдан, 1997. – 127 с.
4. Катаева Р. А. Майский снег / Р. А. Катаева. – Х. : Прапор, 1989. – 79 с.
5. Катаева Р. А. Рябиновая ветка / Р. А. Катаева. – К. : Рад. письменник, 1987. – 95 с.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://slovarozhegova.ru/>
7. Гинзбург Л. Я. Проблема личности // Л. Я. Гинзбург О лирике. – М. : Сов. Писатель, 1964. – 380 с.
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
9. Изотова Н. В. Диалогичность структуры в языке художественной прозы А.П. Чехова: автореф. дисс. доктора филол. наук / Н. В. Изотова. – М. : Моск. гос. открытый пед. ун-т им. М. А. Шолохова, 2006. – 40 с.
10. Михайлини И. Л. Римма Катаева: Литературный портрет / И. Л. Михайлин. – Х. : КП "Типография № 13", 2009. – 52 с.
11. Катаева Р. А. Порог / Р. А. Катаева. – Х. : Прапор, 1983. – 53 с.

LIST OF REFERENCES

1. Averinchev S. S. Poetic categories in course of literary epochs. Historical poetry. Literary epochs and types of artistic consciousness: the collection of articles / S. S. Averinchev, M. L. Andreev. Moscow : Nasledie, 1994. -P. 3-38.
2. Korman B. O. The results and the perspectives of studying author`s problem / B. O. Korman // Pages of the history of Russian literature. – Moscow : Nauka, 1971. - P. 199-207.
3. Kataeva R. A. Heavy rains / R. A. Kataeva. – Kharkov : Maidan., 1997. – 127 p.
4. Kataeva R. A. May-Snow / R. A. Kataeva. – Kharkov : Prapor, 1989. - 79 p.
5. Kataeva R. A. Rowan branch / R. A. Kataeva. – Kiev : Rad. pismennyk, 1987. – 95 p.
6. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of Russian language / S. I. Ozhegov [electronic resource]. – Mode of access : <http://slovarozhegova.ru/>
7. Ginzburg L. Y. Person`s problem / Ginzburg L. Y. // On Lyric Poetry. – Moscow : Sov. pisatel, 1964. - 380 p.
8. Bakhtin M. M. The aesthetics of verbal creativity / M. M. Bakhtin. – Moscow : Iskusstvo, 1979. – 423 p.
9. Izotova N. V. Dialogicality in language structure of Chekhov`s art prose : author`s abstract of Ph.D. in Philology / N. V. Izotova; Moscow State Open University named after M. A. Sholokhov. - 2006. - 40 p.
10. Mikhailin I. L. Rimma Kataeva: literary portrait / I. L. Mikhailin. – Kharkov : Typographia №13, 2009. – 52 p.
11. Kataeva R. A. The Threshold / R. A. Kataeva. – Kharkov : Prapor, 1983. – 53 p.

Поступила в редакцию 30 сентября 2015 г.